

Сравнительный анализ национальной политики СССР в 1920–1930-е гг. на примере украинизации и белорусизации

Н. А. Осипов

После окончания Гражданской войны 1918–1922 гг. и создания Советского Союза перед УССР и БССР стояли схожие задачи – построить национальное государство в рамках советской власти, однако ход проведения политики коренизации зависел от разных обстоятельств. Поэтому и результаты, проведенной в советских республиках политики были различными. Чтобы оценить их, целесообразно сравнить конкретно-историческую специфику развития и ход проведения национальной политики в двух республиках. В данной статье с опорой на такие материалы, как статистические данные, периодическая печать в период с 1925 по 1933 гг., различные статьи и монографии российских, украинских и белорусских ученых, осуществляется сравнение хода проведения и результатов национальной политики в УССР и БССР. Сделан вывод о том, что темпы политики коренизации были с самого начала различными, а сама она фактически была начата в указанных советских республиках в разное время. Если в Украине политика в области культуры совмещалась с попыткой получить большую власть на местах, то в Беларуси акцент прежде всего ставился на укрупнении республики.

Ключевые слова: украинизация, УССР, белорусизация, БССР, большевики, округ, городское население, сельское население.

Для цитирования: Осипов Н. А. Сравнительный анализ национальной политики СССР в 1920–1930-е гг. на примере украинизации и белорусизации // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 28–46. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_28. EDN: YFKLTU

Введение

Национальная политика СССР в 1920–1930-е гг. изучается довольно давно как отечественными, так и зарубежными историками, а поэтому имеет обширную историографию. Особое внимание авторы уделяют теоретическому уровню изучения данной проблемы [1], однако научный интерес также касается анализа практических мероприятий Советского Союза в отношении разных народов Европейской части России, Севера, Сибири и т. д. [2–7].

Тема проведения национальной политики на территории Украинской Советской Социалистической Республики и Белорусской Советской Социалистической Республики в виде украинизации и белорусизации в 1920–1930-х гг. (политика по расширению употребления украинского и белорусского языков в общественно-политической и культурной жизни советских республик) стала подниматься с самого начала ее проведения, однако до 1990-х гг. отсутствовали научные исследования, посвященные данной проблеме, хотя национальная составляющая постоянно затрагивалась во всех работах по истории Украины и Беларуси XX в. [8–11]. Ситуация изменилась в 1980–1990-х гг., когда были сняты ограничения исследования данного вопроса, в связи с чем были открыты архивы. Таким образом, данная тема стала актуальной в исследовательской сфере.

Стоит обратить внимание, что политика белорусизации до сих пор является изученной в значительно меньшей степени, чем политика подобного рода на территории Украинской ССР, связано это прежде всего с тем, что большая часть архивных документов, содержащих информацию и статистические данные по этой тематике, были утеряны или уничтожены в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим считается целесообразно рассматривать политику на территории УССР и БССР вместе, чтобы лучше понять взаимосвязь центра с регионами, а также провести сравнительный анализ процессов в разных республиках. Так как сравнительный анализ политики коренизации на территории УССР и БССР в основном не затрагивается в научных работах, данная статья обладает научной новизной.

Исследования, посвященные достижениям украинизации в разных сферах культуры, содержатся в монографии «Українізація 1920–1930-х рр.: передумови, здобутки, уроки»

[12]. Схожие сюжеты по достижениям белорусизации, рассматриваются в «Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч.». Учеными проанализированы этнонациональные последствия национальной политики СССР на территории различных регионов Украинской и Белорусской ССР [13].

Результатом Великой Российской революции 1917–1922 гг. стало образование Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г., после чего началось строительство нового государства.

В 1926 г. на территории всего Советского Союза была проведена всеобщая перепись населения. Проводилась она методом опроса, хотя допускалось и самосчисление. Стоит отметить, что перепись по национальному признаку проходила путем задавания опрашиваемому двух вопросов: о народности и о родном языке. Так, согласно переписи населения 1926 г. на территории Украинской ССР проживало 29 млн чел., из которых 80,1 % украинцы, 9,2 % русские и 5,4 % евреи [14, с. 63]. Для сравнения, на территории Белорусской ССР проживало 80,6 % белорусов, 8,2 % евреев, 7,7 % русских и 2 % поляков¹.

Специфика населения по этническому признаку в городе и на селе также была зафиксирована переписью населения 1926 г.: в рамках макрорегиона украинское население было преимущественно крестьянским по своему характеру. Например, в процентном эквиваленте число украинцев в городах составляло в среднем 47,4 % и колебалась от 36 % до 88,3 %. На основании вышеуказанных статистических данных можно сделать вывод о том, что украинская часть населения была представлена в городах в крайне низкой степени: только 10,9 % населения было городским, в то время как 89,1 % проживало в сельской местности. В то же время аналогичные показатели для русского населения составили 50,2 % и 49,8 % соответственно, а еврейского 74,4 % и 22,6 % [14, с. 65].

Что касается белорусского населения, то в городах соотношение было иным: 40,2 % горожан составляли евреи, затем шли белорусы (39 %) и русские (15,6 %). Однако стоит обратить внимание на некоторые города, где доля белорусов была значительной. Например, в Витебске доля белорусов среди город-

¹ Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения: 05.04.2023).

ского населения составляла около 32 %, в Гомеле 24 %, в Минске 45,5 % [15].

По результатам переписи 1926 г. около 76,4 % населения Украинской ССР считало своим родным языком украинский [14, с. 66], в Белорусской ССР 67 % населения назвали своим родным языком белорусский, 23,5 % русский, 7,5 % идиш, и около 1 % польский [17, с. 116].

Языком своей национальности среди украинцев разговаривало 94,1 % населения, из которых 74,5 % проживало в городах [14, с. 67].

Большинство украинского населения Украинской ССР было задействовано в сельском хозяйстве (87,5 %). Для сравнения в промышленности было занято 3,6 % украинского населения, данные показатели в строительстве и на железнодорожном транспорте были еще ниже [14, с. 69]. Белорусов в сельском хозяйстве было задействовано около 91,7 % [15].

Результаты

Вопрос о необходимости проведения политики по продвижению белорусского языка в общественной и государственной жизни был впервые поднят в БССР в декабре 1920 г. Планировалось создать сеть учреждений для развития культуры. Предполагалось взять за основу те языки, которые распространены среди народов Беларуси. Одновременно была организована подготовка специальных кадров и соответствующей литературы. В феврале 1921 г. на II сессии ЦИК БССР было постановлено, что наркомат просвещения должен организовать преподавание на территории БССР на белорусском языке [13, с. 116].

В связи с нехваткой квалифицированных педагогических кадров и учебной литературы, было решено организовать подготовку специалистов в Институте народного образования в Минске и на трёхлетних курсах в Бобруйске и Борисове, а подготовка всех видов литературы на белорусском языке стала общесоюзной задачей [13, с. 119–121].

В Украинской ССР с 1920-х гг. также встал вопрос о языковой политике. Например, Наркомат просвещения Украины 4 мая 1920 г. принял постановление, согласно которому необходимо было начать подготовку работников просвещения с обязательным изучением украинского языка. Согласно постановлению

СНК УССР от 21 сентября 1920 г., украинский язык вводился как обязательный во всех педагогических учреждениях и становился языком преподавания. В связи с этим предполагалось обеспечить учебные заведения необходимым числом учебных пособий и художественной литературы на украинском языке [12, с. 102].

На XII съезде РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. были поставлены вопросы о характере суверенности республик в составе СССР и национальной политике. Политика украинизации и белорусизации стала предметом государственного регулирования на всесоюзном уровне. Таким образом, с этого момента можно официально отсчитывать начало проведения политики украинизации и белорусизации [12].

Несмотря на единовременное начало схожих процессов в области национального строительства СССР в 1920–1930-е гг., такая политика сразу имела существенные отличия на территории Украинской и Белорусской ССР.

В 1924 г. умер В. И. Ленин, началась борьба за власть. В этой борьбе И. В. Сталину требовалось заручиться поддержкой второй по численности партийной организации в СССР, то есть КП(б)У. БССР же на начало 1920-х гг. представляло миниатюрную республику, которая состояла из части уездов бывшей Минской губернии. Территории западнее Минска находились в составе Польской Республики, а Восточная Беларусь находилась в составе РСФСР. Именно это и предопределило особое отношение Сталина к национальным процессам, происходящим в УССР.

Если процесс украинизации после 1923 г. на территории УССР был запущен, то в БССР основное внимание было направлено на укрупнение республики, т. е. присоединение к ней Витебщины, Могилевщины и Гомельщины.

Так, А. Г. Червяков, председатель СНК БССР, в выступлении на VII съезде КП(б)Б, проходившем 20–26 марта 1923 г., заявил, что уезды Витебской и Гомельской губерний населены в основном белорусами, а также выразил пожелание, чтобы данные территории были переданы в состав БССР [18, с. 456].

Исходя из национального состава Витебской, Гомельской и части Смоленской губерний, на XII партийной конференции КП(б)Б 15 апреля 1923 г. было решено передать эти территории в состав БССР [18, с. 460].

С 9 по 12 июня 1923 г. в Москве прошло совещание делегатов национальных компартий СССР по национальным вопросам. Секретарь ЦБ КП(б)Б В. А. Богущкий заявил о том, что невозможно проводить национальную политику в БССР, пока та включает в себя только незначительную часть Минщины [19, с. 476]. Одновременно с этим ЦБ КП(б)Б передало в ЦК РКП(б) докладную записку с материалами, касающимися увеличения территории БССР, которую затем, 18 июня 1923 г., по поручению А. Г. Червякова передали в Секретариат Наркомата иностранных дел. Авторы подчеркивали значение внешнеполитического фактора, так как власти Польши на этнических белорусских землях проводили политику ассимиляции, нужно было показать, что Советский Союз занимается решением белорусского вопроса в рамках БССР [20, с. 48].

Авторы докладной записки приводили такую аргументацию: «в БССР белорусов 80 %, евреев 15 %, поляков 3 %. В Витебской губернии белорусов 68 %, русских и украинцев 12 %, евреев 14 %, поляков 4 %, латышей, литовцев 10 %. В Гомельской губернии белорусов 80 %, русских и украинцев 4 %, евреев 14 %, поляков 1 %. В Смоленской губернии белорусов 40 %» [20, с. 49].

Таким образом, авторы записки заявляли, что эти территории являются белорусскими по своему составу и должны быть в составе БССР [20, с. 51]. Помимо этого, руководители БССР обеспокоились политическим положением Витебской и Гомельской губерний, где национальный вопрос «даже не стоит» [20, с. 52].

Коммунисты из Беларуси считали, что такое положение дел создает почву для националистической агитации со стороны Польской Республики. А нежелание руководства Витебской, Могилевской, Гомельской и части Смоленской губернии передавать эти территории в состав БССР объясняли тем, что во всех этих губерниях во главе советского и партийного аппарата стоят не местные, а выходцы из центральной России [20, с. 54].

9 июня 1923 г. наркомат национальностей передал в наркомат иностранных дел данные по национальному составу граничащих с БССР губерний. Его данные не совпадали со статистикой КП(б)Б, представленной А. Г. Червяковым. Согласно переписи 1920 г., в Гомельской губернии белорусы составляли 34 % населения, а в Витебской губернии насчитывалось 57,5 % белорусов [20, с. 56].

Передача 8 уездов была осуществлена в два этапа: постановлением Президиума ЦИК РСФСР от 4 февраля 1924 г. «О передаче Беларуси районов с преимущественно белорусским населением» и резолюцией VI Всебелорусского чрезвычайного съезда Советов БССР от 13 марта 1924 г. [18, с. 484; 21, с. 7–10].

Гомельский и Речицкий уезды не были переданы, так как местное руководство оперировало данными двух переписей населения. Например, на территории Гомельского уезда число белорусов в 1920 г. составляло всего лишь 16 %, хотя по переписи 1897 г. их количество составляло 74 % [22, с. 33–34].

Руководство же БССР объясняло это несоответствие тем, что для основной массы населения Российской империи понятия «белорус» и «русский» были синонимичными, и если при данной переписи задавался вопрос «вы русские?», ответом могло быть «мы русские». Это позже подтвердили работы комиссий в данном регионе и последующие переписи населения [18, с. 484]. В итоге, 23 ноября 1926 г. было принято окончательное решение о присоединении Гомельского и Речицкого уездов (включая Гомель) к Белорусской ССР.

После достижения поставленных задач по включению в состав БССР белорусских этнических земель, руководство республики обратило свое внимание на достижение более высоких темпов белорусизации, в то время как в УССР украинизация уже проводилась более быстрыми темпами, однако все равно не устраивала И. В. Сталина, так как лидер Советского Союза хотел заручиться поддержкой второй по численности партийной организации, как уже было сказано выше.

В связи с этим Э. И. Квиринг был снят с должности первого секретаря ЦК КП(б)У, которая теперь стала называться "Генеральный". Генеральным секретарем ЦК КП(б)У стал Л. М. Каганович, так как И. В. Сталин знал его лично, считал преданным работником. Л. М. Каганович родился и вырос на Украине, хорошо знал республику. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) был уверен в том, что именно Л. М. Каганович сможет укрепить его позиции в этой республике. Последний начал «чистку» партийно-государственного аппарата путем замены кадров на лояльных «вождю» и готовых проводить в жизнь политику украинизации, а также тех, которые действительно содействовали делу коренизации в республике [12, с. 89].

И. В. Сталин, вступивший в борьбу со своими политическими противниками, нуждался в поддержке партии, второй по величине после РСФСР. Он через Л. М. Кагановича «устранил» оппонентов на Украине, в лице «великороссийских шовинистов» и украинских националистов. Разобравшись с «великодержавными шовинистами», И. В. Сталин заручился поддержкой сторонников украинизации, а устранив украинских националистов, показал, что политика украинизации носит перманентный характер [23].

Именно Л. М. Каганович с помощью административного воздействия поспособствовал ускоренному проведению политики украинизации, что дало впоследствии высокие результаты в ходе ее проведения. Например, уже в 1926 г. украинцы составляли 82,2 % в среде металлистов, 72,7 % железнодорожников, 37,9 % строителей, 32,5 % типографов, 82,2 % среди сельскохозяйственных работников [14, с. 75]. На 1 января 1926 г. в партийной организации в сравнении с числом членов партии украинцев было 43,9 %, 1 января 1927 г. 45 %. То есть в 1926 г. за девять месяцев среди принятых в партию украинцев было 54,8 %. Среди индустриальных групп населения украинцев было 41,6 %, связь и транспорт 64,6 % [9, с. 24].

В составе окружных исполкомов после последних перевыборов украинцы составляли 60 % перед 1927 г., на 1927 г. в райисполкомах украинцев уже было 80,3 %, а в сельсоветах 88,5 % [9, с. 28]. В составе сельских и промышленных райкомов украинцы составляли большинство (64,5 % и 46,1 % соответственно). Время созыва окружных пленумов партийных комитетов и их национальный состав выглядел таким образом: 1923 г. – украинцев было 31,9 %, 1924 г. – 34,3 %, 1925 г. – 38,9 %, 1926 г. – 48,8 % [9, с. 25].

Успехи национально-культурного строительства отразились и на искусстве. В 1928 г. в целом по Украинской ССР было 54 театра, а в 1931 г. уже 88, то есть стационарных 37, передвижных 51. По языку, на котором они выступали, они разделялись следующим образом: украинских 63, еврейских 8, русских 11, польский 1, болгарский 1 и смешанных 4 [24, с. 130]. Таким образом, процент украинских театров значительно увеличился. Если в 1928 г. было 25 %, то в 1931 г. уже 75 % [24, с. 133].

Несмотря на то, что руководство Советского Союза постепенно сворачивало проведение политики украинизации, она

по инерции еще продолжала давать некоторые результаты определенное время. Так, в 1925/26 уч. г. на Украине на русском языке функционировало всего 3312 ликбезов, а на украинском языке 13350, однако в 1927/28 уч. году, уже 78 % ликбезов были украинскими [23, с. 55]. Весьма интересными являются и другие показатели. В 1922 г. насчитывалось 6105 украинских школ, а в 1930 г. уже 14430 [12, с. 150].

Украинизация прессы к 1932 г. достигла 87,5 %. К 1930 г. на Украине осталось только 3 крупные газеты на русском языке. Относительно журналов, в 1928 г. 71,2 % их издавалось на украинском языке, а в следующем году эта цифра достигла уже 84 %. Книги на украинском языке в общей массе книжной продукции составляли к 1931 г. 76,9 % [25, с. 215].

Также в УССР развивался украинский кинематограф, за 1927–1929 гг. в Киеве была создана самая большая по площади в Европе киностудия. В киноискусстве республики продолжала доминировать украинская проблематика. Продолжалась украинизация и театрального искусства [23, с. 55].

Положение И. В. Сталина во власти к началу 1930-х гг. существенным образом отличалось от положения на момент начала 1920-х гг. Если сначала он принимал активное участие в борьбе за власть, то потом И. В. Сталин, заручившись поддержкой партии в Украине и в центре, стал активно назначать своих сторонников на ключевые посты в партии и органах советской власти. Данная ситуация в корне изменила отношение центра к политике украинизации, что привело к ее свертыванию.

Что касается темпов белорусизации в аналогичное время, то В. М. Игнатовский, академик Академии наук БССР, в своем докладе на XI съезде КП(б)Б очень ярко охарактеризовал состояние вещей в этом вопросе: «Мы достигли такого уровня культуры, какого Беларусь никогда не имела и не может иметь при буржуазной власти: университет, академия, техникумы, школы, десятки журналов. Институт Белорусской культуры, театры, музеи, сотни статей в год, литературы и т. д. ...» [11, с. 99].

Однако В. М. Игнатовский также отмечал такие серьезные проблемы в сфере белорусизации, как нехватка педагогических кадров, материально-технического обеспечения, отсутствие учебников и учебных пособий на белорусском языке, вину за все это он возлагал на руководителей местных советских органов

и партийных организаций, в связи с чем высказывался: «В этом роде с деятельностью российского великодержавничества мы сталкиваемся почти каждый день у нас в БССР, особенно тогда, как выезжаем за границу БССР в РСФСР и т. д.» [11, с. 101].

Несмотря на это, политика белорусизации все же проводилась, однако по показателям отставала от аналогичных по сравнению с украинизацией. Так, состав окружных советских аппаратов на апрель 1927 г. выглядел следующим образом: среди административных органов 60,1 % белорусов было в ответственных и 61,4 % в технических органах. Среди земельных органов в ответственных органах белорусов было 77,3 %, а в технических 75,8 % [26, с. 17].

На апрель 1927 г. в составе районного административного аппарата белорусов было 79,2 %. В составе судебных органов на местах на апрель 1927 г. белорусов было 65 % в окружных судах и 70 % в народных [26, с. 17].

Общий процент сотрудников, владеющих белорусским языком, в учреждениях БССР в 1925 г. выражается в следующих цифрах: в центральных органах 21,9 %, окружных и районных 36,2 %, центральных, окружных и районных вместе взятых 29,5 %. К апрелю 1926 г. показатель несколько изменился. В центральных органах, хорошо владеющих белорусским языком, было 54 %, слабо владеющих 19 % и плохо владеющих 27 %, в окружных и районных органах 42 %, 9,4 % и 48,6 % соответственно [26, с. 17]. В 1927 г. процент сотрудников, владеющих белорусским языком, увеличился и достиг: в центральных органах 80 %, в окружных и районных 70 %. Можно сделать вывод, что показатели владения белорусским языком в органах власти к 1927 г. достигли значительного уровня [26, с. 18].

К июлю 1925 г. полностью перевели на белорусский язык работу своих аппаратов: ЦИК и существующие при нем комиссии, наркомат просвещения и его отделы на местах, Белорусский Государственный Музей, Белорусское государственное издательство, Калининский Окружной исполком и его отделы, а также почти все районные исполкомы и сельсоветы Калининского округа. Аппарат Совнаркома был переведен на белорусский язык к этому времени на 75 %, наркомат земледелия на 30 % [26, с. 19].

К июлю 1926 г. полностью проводили работу на белорусском языке также Совнарком, секретариаты всех окрисполкомов

и земотделы некоторых окрисполкомов. В остальных учреждениях и организациях процент белорусизации к этому времени составил 30–60 %. Наркомат земледелия был белорусизирован к этому времени на 50 %, наркомат внутренних дел на 60 %, наркомат социального обеспечения на 50 %, наркомат юстиции на 50 % [26, с. 19].

Сильное воздействие на сотрудников оказывалось проверяющими центральными и окружными нацкомиссиями. Белорусизацию планировалось закончить к 1928 г. [26, с. 19].

Также постепенно изживалось отношение к белорусскому языку как к языку только официальному. Белорусский язык весьма часто можно было слышать в частных беседах, главным образом среди молодых общественных, советских и партийных работников и т. д., часто даже не белорусов по национальности [26, с. 19].

Однако встречалось и сопротивление белорусизации, за время проверки по всем округам и центрам за упорное нежелание изучать белорусский язык и за враждебное отношение к белорусизации было уволено 27 чел. [25, с. 20].

Наряду с органами власти белорусизация проводилась в частях Красной Армии. Так, Военная школа имени ЦИК БССР была укомплектована на 75 % из белорусов. Систематически изучался белорусский язык. Переписка школы с местными органами проводилась в значительной степени на белорусском языке. Низший командный состав более чем на половину был укомплектован белорусами. В составе кадровых белорусских частей красноармейцев белорусов насчитывалось 73,2 %, а среди переменного состава 85,2 %. Политизация в белорусских частях проводилась на белорусском языке на 72 % [26, с. 20].

Полностью на белорусском языке проводились конференции всебелорусские, окружные и районные. Частично культурно-массовая работа также проводилась на белорусском языке и в других союзных организациях [26, с. 21].

Часть союзов проводили свое делопроизводство на смешанных языках: медсантруд, совторгслужащие, наркомсвязь, деревообделочники, наркомпит. По союзу железнодорожников аппарат Бюро ЦК полностью работал на белорусском языке, а профсоюзы и месткомы «только частично» [26, с. 22].

О национальном составе членов потребительской кооперации имеются данные лишь по 8 ЦРК (из 12) на 1 октября

1927 г. Из общего количества 37 497 членов (без военных) белорусов было 38,8 %, русских – 12,4 %, евреев – 43,2 %, поляков – 2 % и прочих – 3,6 % [26, с. 23]. Из 20 647 пайщиков (10 % всех пайщиков), присутствовавших на отчетных собраниях, белорусов было 90,6 %, русских – 1,4 %, евреев – 5,3 % и прочих – 1,1 % [26, с. 26].

Со стороны руководства БССР признавалось необходимым «всю работу партийного и комсомольского аппарата перевести до 1 января 1927 г. на белорусский язык» [13, с. 119].

Но существовали различного рода проблемы и сложности на пути белорусизации, которые приходилось преодолевать через большие усилия. Тут можно указать на довольно значительное территориальное разнообразие лексики и фонетики белорусского языка, неразработанность технической, политической, юридической, педагогической, медицинской и других терминологий. По причине всего этого укоренение белорусского языка в общественной жизни республики происходило значительно сложнее, чем еврейской и польской [13, с. 120].

На момент перехода к белорусизации государственного, партийного, профсоюзного и комсомольского аппаратов, всех звеньев управления знание белорусского языка их работниками находилось на низком уровне, потому что никто из них специально не занимался его изучением. Однако если в 1925 г. в республиканских учреждениях только 22 % общей численности работников владело белорусским языком, а в окружных и районных 36 %, то уже в 1926 г. соответственно 54 % и 42 %, в 1927 г. 80 % и 70 % [26, с. 56].

Выполнялись сроки белорусизации в высшей и средней специальной школе, особенно по педагогическому профилю. Так, в 1926/27 уч. г. из 14 педагогических техникумов на белорусском языке работали 10. Преподавание в сельскохозяйственных техниках удалось белорусизировать на 63 %, сельскохозяйственных школах на 67 %, профшколах на 60 %, на рабфаках 69 % и только в БГУ им. В. И. Ленина на 31 % [27, с. 9].

Уже в 1927 г. в общей численности членов местечковых Советов депутатов из рабочих белорусов было 53,2 %, евреев 40,5 %, поляков 2,2 % и русских 2,5 %, в городских Советах соответственно 45,1 %, 30,6 %, 2,5 % и 14,5 %. В том же году среди членов райисполкомов белорусов было 60 %, ЦИК БССР 53 % [13, с. 123].

Одновременно с белорусизацией осуществлялась ликвидация неграмотности. Помимо этого требовалось развивать литературу и искусство, создавая тем самым основу для дальнейшего развития культуры. В 1920-е годы по причине ограниченных возможностей, нехватки культурных сил эти задачи не могли быть полностью выполнены. Хотя БССР относилась к числу республик с достаточно высоким уровнем грамотности (в 1920 г. было 47,4 % грамотных в возрасте от 9 до 29 лет) [13, с. 129]. Однако развитие образования, как и всей культуры, тормозилось из-за нехватки средств, которые шли в первую очередь на самые необходимые потребности развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Приходилось экономить буквально на всем, даже на школах, количество которых уменьшилось. Если в 1921 г. в республике насчитывалось до 6 тыс. школ, то в 1922/23 уч. году осталось 4 157. В них обучалось 270,6 тыс. (38 %) детей. Сужение сетки школ происходило и по причине реорганизации школьной системы [28, с. 371; 29, с. 10]. Уже с 1924/25 уч. годов началось увеличение средств, которые выделялись на народное образование. В результате усилий государственных органов, местных Советов и населения численность школ в республике в 1924–1926 гг. увеличилась до 4 860, а учеников в них до 431, 9 тыс. [28, с. 406, 407; 29, с. 31].

Большие сложности возникали с подбором и комплектованием школ учителями, организацией их работы, созданием бытовых условий. В 1925/26 уч. г. 62,3 % учителей БССР не имели специальной подготовки, 26 % – среднего образования. За годы революции и войн значительно ухудшилась методическая работа. Учителей разъединяло разное понимание задач школы и подходов к их осуществлению [28, с. 416].

В 1928/29 уч. году в республике насчитывалось 5 723 общеобразовательные школы, в которых обучалось 485 тыс. детей. 79 % детей в возрасте 8–12 лет посещали школу. Это был значительный шаг вперед в осуществлении всеобщего образования. Другим важным шагом стало его содержание. Постепенно формировались новые кадры учителей. В основном был осуществлён переход обучения на белорусский язык [29; с. 10–11].

В результате за девять лет мирной жизни около 200 тыс. человек взрослого населения БССР стали грамотными. Од-

нако были выявлены существенные недочёты в организации работы по ликвидации неграмотности – непродуманность и поспешность. Поэтому впоследствии важное значение отдавалось политическому направлению образования и воспитания. Первое место здесь занимало разъяснение сути НЭПа, необходимости усиления союза рабочих и крестьян, пропаганда идей социализма.

Что касается книжной продукции, то в 1929 г. фонд книг насчитывал 1,5 млн экземпляров. В 1925 г. в БССР издавалось 20 газет и 15 журналов, общий тираж которых составлял 130 тыс. экземпляров. Среди них 11 газет и 10 журналов издавались на белорусском языке [29, с. 7, 43; 18, с. 315].

С начала 1925 г. главой Инбелкульта был назначен известный ученый-историк и общественный деятель В. М. Игнатовский, который сменил на этой должности С. М. Некрашевича. В 1925–1926 гг. существенно увеличился специальный состав института. В нем работало 206 научных работников, 59 % среди них составляли белорусы [18, с. 324, 325].

В мае-июне 1929 г. Белорусскую ССР на протяжении 52 дней обследовала Центральная контрольная комиссия ВКП(б) во главе с В. П. Затонским. Эта комиссия также обследовала Украинскую ССР. 27 июня 1929 г. В. П. Затонский прочитал на заседании ЦК КП(б)Б доклад, в котором раскритиковал почитание белорусским руководством сменовеховской белорусской интеллигенции, которая вернулась в Беларусь при советской власти. В. П. Затонский указал, что в Беларуси проводится линия на создание «крепкого хуторского, по сути кулацкого хозяйства». В 1930 г. в Беларуси прошли аресты представителей интеллигенции, которых судили в рамках «Союза освобождения Беларуси». Одновременно шло дело «Союза освобождения Украины», сформированное после визита комиссии В. П. Затонского. Оба дела были похожи, но по «Союзу освобождения Беларуси» проходили три народных комиссара Белорусской ССР, тогда как в Украинской ССР не было ни одного [30, с. 113].

Судьба политики украинизации и белорусизации была окончательно решена на XVI съезде ВКП(б), после которого началась активная борьба с «контрреволюционными элементами», принявшая форму «очищения» рядов партии. Она началась в декабре 1932 г.

Обсуждение и выводы

Несмотря на определенные успехи в ходе проведения политики белорусизации, она проводилась значительно меньше по времени и не имела таких последствий в дальнейшем, как политика украинизации. В последней также в большей степени был заинтересован И. В. Сталин, так как принимая участие в борьбе за власть, нуждался в поддержке парторганизации на Украине, в связи с чем через Л. М. Кагановича, с одной стороны, провел замену кадров на лояльных ему, а с другой – путем административных методов повысил результаты политики украинизации. Также стоит отметить, что в практическом смысле политика белорусизации началась на несколько лет позже, чем политика украинизации, так как до 1926 г. руководство БССР было занято вопросами укрупнения республики.

Список литературы

1. Дённингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции, 10–12 октября 2013 г., г. Киев. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – С. 115–125.
2. Шайдуров В. Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х – 1920-х гг. // Журнал фронтирных исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4 (24). – С. 155–178.
3. Ломанов В. А. Хозяйственная деятельность немцев Северо-Запада в 1920-е гг. (на примере совхоза «Средняя Рогатка») // История повседневности. – 2022. – № 4. – С. 82–98.
4. Каменских М. С. «Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в тундрах между русскими, зырянами и самоедами»: повседневность советской кооперации на Тобольском Севере в 1920-е гг. // История повседневности. – 2022. – № 3. – С. 24–40.
5. Черных А. В. Каменских М. С. Фрониты советских переселений: культурные границы и кросскультурное взаимодействие русских и чувашей в Южном Прикамье в 1920-е – 1930-е гг. // Журнал фронтирных исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4 (24). – С. 117–134.
6. Шайдуров В. Н., Сапронова Н. А., Гончаров Ю. М., Новгородский Т. А. Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 2. – С. 60–72.
7. Базарова В. В. О проблемах коренизации в национальных автономиях Восточной Сибири в 1920-е – 1930-х гг. // Власть. – 2013. – № 12. – С. 174–177.
8. Диманштейн С. М. Идеологическая борьба в национальном вопросе // Революция и Национальности. – 1930. – № 3. – С. 5–22.
9. Затонський В. П. Матеріали до українського національного питання // Більшовик України. – 1927. – № 6. – С. 9–33.
10. Хвиля А. А. Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва // Більшовик України. – 1930. – № 13–14. – С. 38–56.
11. Каплан Л. Проблема культурної революції і національна культура // Полымя. – 1928. – № 1. – 232 с.
12. Українізація 1920–1930-х рр.: передумови, здобутки, уроки (Колективна монографія) / За ред. В. А. Смоля. К.: Інститут історії України НАН України. 2003. 392 с.
13. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк, І. М. Ігнацэка, У. І. Выштынскі і інш; Інстытут гісторыі АНБ. Мн.: Беларусь. 1995. 560 с.

14. Мінаев С. В. До основних підсумків поголовного перепису населення України // Більшовик України. – 1928. – № 15–16. – С. 51–83.
15. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР. 1927–1929. Т. 10. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. 138 с.
16. Коряков Ю. В. Языковая ситуация в Белоруссии // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 109–127.
17. 12-й съезд РКП(б) (17–22 апреля 1923 года): стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1968. 904 с.
18. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; [рэдкалегія: А. А. Каваленя (галюўны рэдактар) і др.]. Мінск: Беларуская навука. 2011. 583 с.
19. Борисёнок Ю. А. Белорусско-российское пограничье в 1918–44 гг. // Вопросы истории. – 2004. – № 12. – С. 105–112.
20. Короткова Д. А. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Журнал Славяноведение. – 2018. – № 5. – С. 48–59.
21. РСФСР. Центральный исполнительный комитет. Созыв (11). Сборник постановлений и распоряжений Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва и его Президиума / РСФСР. М.: Тип. «Красный пролетарий», 1924. № 1. 80 с.
22. Отчет Гомельского губернского исполнительного комитета, декабрь 1921 г. – ноябрь 1922 г.: [VI-му губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов]. Гомель: б. и., 1922. 417 с.
23. Лушин И. А., Осипов Н. А., Политика коренизации в рамках национального строительства СССР в 1920–1930-е гг. на примере Польского Мархлевского национального района // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. – 2021. – № 2(10). – С. 51–58.
24. Потапчик М. Робітніцка кляса України в національно-культурному будівництві // Більшовик України. – 1932. – № 5–6. – С. 123–134.
25. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы М.: Европа, 2006. 256 с.
26. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Часть 1. Белоруссизация. Минск: Издание Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР, 1927. Ч. 1. 151 с.
27. Камуністычнае выхаванне. – 1931. – № 5.
28. Белорусская ССР в 1923/24 г. К V съезду Советов. Минск: б. и., 1924. 478 с.
29. Культурное строительство в БССР. Минск: изд. УНХУ. БССР, 1940. 111 с.
30. Дроздов К. С. Большевики против белорусской интеллигенции: деятельность комиссии Затонского в мае-июне 1929 г. и «крутой поворот» в национальной политике в БССР // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII международной научной конференции. Екатеринбург 26–28 сентября 2019 г. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – С. 109–115.

Comparative Analysis of the USSR National Policy in the 1920s – 1930s on the Example of Ukrainization and Belarusization

Nikita A. Osipov

After the end of the 1918–1922 Civil War and creation of the Soviet Union, Ukrainian and Belorussian SSR faced similar tasks, to build a national state within the framework of Soviet power, but the course of the korenization policy depended on different circumstances. The results of such policy in the Soviet republics were different. To evaluate them, it is advisable to compare the concrete historical specifics of development and the course of national policy in two republics. This article contains a comparative analysis of the implementation and results of national policy in USSR and BSSR, based on sources such as statistical data, periodical press materials of 1925–1933, various articles and monographs by Russian, Ukrainian and Belorussian scientists. It is concluded that the pace of the indigenization policy was different from the very beginning and was actually started at different times in these Soviet republics. If in Ukraine the policy in the field of culture was combined with an attempt to gain more power on the ground, in Belarus the emphasis was primarily placed on the enlargement of the republic.

Key words: ukrainization, Ukrainian SSR, belorusization, Belorussian SSR, Bolsheviks, district, urban population, rural population.

For citation: Osipov, N. A. (2023) Sravnitel'nyj analiz nacional'noj politiki SSSR v 1920–1930-e gg. na primere ukrainizacii i belorusizacii [Comparative Analysis of the USSR National Policy in the 1920s – 1930s on the Example of Ukrainization and Belarusization]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 28–46. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_28. EDN: YFKLTU

References

- Denninghouse, V. (2014) *Sovetskaya natsional'naya politika i problema ètnodispersnykh grupp (1922–1930 gg.)* [Soviet national politics and the problem of ethnodisperse groups (1922–1930)]. *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody* [Soviet nations and national politics in the 1920s–1950s]. Proceedings of the VI International Scientific Conference (Kiev, October 10–12, 2013 g.). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Fond «Prezidentsky tsentr B. N. El'tsina». Pp. 115–125. (in Russ.)
- Shaidurov, V. N. (2021) *Nemetskoe naselenie Sibiri v usloviyakh obshchestvennykh transformatsiy 1900-kh – 1920-kh gg.* [The German population of Siberia in the conditions of social transformations of the 1900s – 1920s]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. Vol. 6. No. 4 (24). Pp. 155–178. (in Russ.)
- Lomanov, V. A. (2022) *Khozyaystvennaya deyatel'nost' nemtsev Severo-Zapada v 1920-e gg. (na primere sovkhoza «Srednyaya Rogatka»)* [Economic activity of the Germans of the North-West in the 1920s. (on the example of the state farm "Srednyaya Slingshot")]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 4. Pp. 82–98. (in Russ.)
- Kamenskikh, M. S. (2022) *«My dolzhny otmenit' tot antagonizm, kotory sushchestvuet v tundrakh mezhdru russkimi, zyryanami i sameodami»: povsednevnost' sovetsoy kooperatsii na Tobol'skom Severe v 1920-e gg.* [“We must abolish the antagonism that exists in the tundra between Russians, Zyryans and Samoyeds”: the everyday life of Soviet cooperation in the Tobolsk North in the 1920s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 24–40. (in Russ.)

5. Chernykh, A. V., Kamenskikh, M. S. (2021) *Frontity sovetskikh pereseleny: kul'turnye granitsy i krosskul'turnoe vzaimodeystviye russkikh i chuvashyey v Yuzhnom Prikamyey v 1920-e-1930-e gg.* [Frontiers of Soviet resettlement: cultural boundaries and cross-cultural interaction of Russians and Chuvash in the Southern Kama region in the 1920s-1930s]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. Vol. 6. No. 4 (24). Pp. 117–134. (in Russ.)
6. Shaidurov, V. N., Sapronova, N. A., Goncharov, Yu. M., Novogrodsky, T. A. (2022) *Tsygane v Sibiri (konets XVIII v. – XX v.)* [Gypsies in Siberia (the end of the 18th century – 20th century)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History]. No. 2. Pp. 60–72. (in Russ.)
7. Bazarova, V. V. (2013) *On the problems of root formation in the national autonomies of Eastern Siberia in the 1920s-1930s*. *Vlast' [Power]*. No. 12. Pp. 174–177 (in Russ.)
8. Dimanstein, S. M. (1930) *Ideologicheskaya bor'ba v natsional'nom voprose* [Ideological struggle in the national question]. *Revolutsiya i Natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. No. 3. Pp. 5–22. (in Russ.)
9. Zatonsky, V. P. (1927) *Materiali do ukrayins'kogo natsional'nogo pitannya* [Materials to the Ukrainian National Nutrition]. *Bil'shovyk Ukrainy* [Bolshevik of Ukraine]. No. 6. Pp. 9–33. (in Ukr.)
10. Khvilya, A. A. (1930) *Proletariat i praktichne rozgortannya natsional'no-kul'turnogo budivmystva* [Proletariat and practical deployment of national and cultural construction]. *Bil'shovyk Ukrainy* [Bolshevik of Ukraine]. No. 13–14. Pp. 38–56. (in Ukr.)
11. Kaplan, L. (1928) *Problema kul'turnay revolyutsiyi i natsyynal'naya kul'tura* [The problem of the cultural revolution and national culture]. *Polymya* [The Flame]. No. 1. Pp. 100–119 (in Bel.)
12. Smoliy, V. A. (2003) (ed.) *Ukrayinizatsiya 1920–1930-kh rr.: peredumovi, zdobutki, uroki (Kolektivna monografiya)* [Ukrainization of the 1920s-1930s: prerequisites, achievements, lessons (collective monograph)]. Kiev: Institute of history of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. (in Ukr.)
13. Kostyuk, M. P., Ignatseka, I. M., Vyshtynski, U. I. and etc (1995) (eds.) *Narysy gistoryi Belarusi: U 2 ch. Ch. 2* [Essays on the history of Belarus: in 2 parts. Part 2]. Instytut histories of the NSA. Minsk: Belarus. (in Bel.)
14. Minaev, S. V. (1928) *Do osnovnykh pidsumkiv pogolovnogo perepisu naselennya Ukrainy* [To the main results of the general census of the population of Ukraine]. *Bil'shovyk Ukrainy* [Bolshevik of Ukraine]. No. 15–16. Pp. 51–83. (in Ukr.)
15. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda (1927–1929)* [All-Union Population Census of 1926]. Moscow: Edition of the CSU of the USSR. (in Russ.)
16. Koryakov, Yu. B. (2002) *Yazykovaya situatsiya v Belorussii* [Language situation in Belarus]. *Voprosy yazykoznavniya* [Questions of linguistics]. No. 2. Pp. 109–127. (in Russ.)
17. *12-y syezd RKP(b) (17–22 aprelya 1923 goda): Stenografichesky otchet* (1968) [The 12th Congress of the RCP(b) (April 17–22, 1923): Verbatim report]. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.)
18. *Gistoryya belaruskay dzyarzhavnasti u kantsy XVIII – pachatku XXI st.: u 2 kn.* (2011) [The history of the Belarusian statehood at the end of the 18th–beginning of the 21st century: in 2 books.]. Minsk: Belarusian Science. (in Bel.)
19. Borisyonok, Yu. A. (2004) *Belorussko-rossiyskoe pograniche v 1918–44 gg.* [The Belarusian-Russian borderland in 1918–44]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. No. 12. Pp. 105–112. (in Russ.)
20. Korotkova, D. A. (2018) «Ukrupnenie BSSR» v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vliyaniya v Pol'she [«Enlargement of the BSSR» in 1923–1924: the factor of Soviet influence in Poland]. *Zhurnal Slavyanovedeniya* [Journal of Slavic Studies]. No. 5. Pp. 48–59. (in Russ.)
21. *RSFSR. Tsentral'ny ispolnitel'ny komitet. Sozyv (11). Sbornik postanovleny i rasporyazheny Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta XI sozyva i ego Prezidiuma* (1924) [RSFSR. The Central Executive Committee. Convocation (11). Collection of resolutions and orders of the All-Russian Central Executive Committee of the XI convocation and its Presidium]. Moscow: Typ. Red proletarian. (in Russ.)
22. *Otchet Gomel'skogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta, dekabr' 1921 g. – noyabr' 1922 g.: (VI-mu gubernskomu syezdu Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov)* (1922) [Report of the Gomel Provincial Executive Committee, December 1921 – November 1922: (to the VI-th Provincial Congress of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies)]. Gomel. (in Russ.)

23. Lushin, I. A., Osipov, N. A. (2021) *Politika korenizatsii v ramkakh natsional'nogo stroitel'stva SSSR v 1920–1930-e gg. na primere Pol'skogo Markhlevskogo natsional'nogo rayona* [The policy of korenization within the framework of national construction of the USSR in the 1920s – 1930s. on the example of the Polish Markhlevsky National District]. *Nauchnoe obozrenie. Mezhdunarodny nauchno-praktichesky zhurnal* [Scientific Review. International Scientific and Practical journal]. No. 2 (10). Pp. 51–58. (in Russ.)

24. Potapchik, M. (1932) *Potapchik M. Robitnits'ka klyasa Ukrayini v natsional'no-kul'turnomu budivnitstvi* [Worker class of Ukraine in national and cultural construction]. *Bil'shovyk Ukrayini* [Bolshevik of Ukraine]. No. 5–6. Pp. 123–134. (in Ukr.)

25. Borisenok, E. Yu. (2006) *Fenomen sovetskoj ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s]. Moscow: Europe. (in Russ.)

26. *Prakticheskoe razreshenie natsional'nogo voprosa v Belorusskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoj Respublike. Chast' 1. Belorussizatsiya* (1927) [Practical resolution of the national question in the Belarussian Socialist Soviet Republic. Part 1. Belarusization]. *Mensk: Izdanie Central'noj Natsional'noj Komissii CIK BSSR* [Mensk: Publication of the Central National Commission of the CEC of the BSSR]. (in Russ.)

27. *Kamunistychnae vykhavanne* (1931) [Communist education]. No. 5. (in Bel.)

28. *Belorusskaya SSR v 1923/24 g. K V syezdu Sovetov* (1924) [Belorussian SSR in 1923/24. To the 5th Congress of Soviets]. Minsk. (in Russ.)

29. *Kul'turnoe stroitel'stvo v BSSR* (1940) [Cultural construction in the BSSR]. Minsk: ed. UNHU. BSSR. (in Russ.)

30. Drozdov, K. S. (2020) *Bol'sheviki protiv belorusskoy intelligentsii: deyatel'nost' komissii Zatonskogo v mae – iyune 1929 g. i «krutoy povorot» v natsional'noy politike v BSSR* [Bolsheviks against the Belarussian intelligentsia: the activities of the Zatonsky Commission in May – June 1929 and the "sharp turn" in national policy in the BSSR]. 1929: «The Great Turning point» and its consequences: *Materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Yekaterinburg, September 26–28, 2019* [1929: «The Great Turning point» and its consequences: Proceedings of the XII International Scientific Conference. Yekaterinburg, September 26–28, 2019]. Moscow: Political Encyclopedia. Pp. 109–115. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2023

Одобрена после рецензирования 30.05.2023

Принята к публикации 14.06.2023